человека, способствуют улучшению здоровья и жизненного мира человека, то осуществляемый антропологический поворот требует системного сопоставления всех «за» и «против» относительно «совершенства технологического прототипа». Иными словами, анализ рисков реальной практики «апгрейда» человека и восприятия его в значении Homo Supertechnologicus выводит на вопрос о статусе социогуманитарной экспертизы и ее полномочиях в процессе институционализации технологических инициатив.

Литература

1.Прогнозы ООН, С.П. Капица (1999).

2.A Materialist Theory of Mind. N. Y.—L., 1968; Аналитическая философия. М., 1993.

3.Putnam H. Representation and Reality. Cambridge (Mass): MIT Press, 1989.

4. Пантем Х. Философия сознания. М., Дом интеллектуальной книги, 1999.

5.Юлина Н.С. Головоломки проблемы сознания. Libooks.ru

6. Лешкевич Т.Г. Проблема субъектности и бессубъектное состояние России в контексте экономоцентричности современной эпохи // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2.

7.Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. Рос. акад наук, Институт философии. М., ИФ РАН, 2010.

8.Лешкевич Т.Г. Парадоксы «инно-преобразований» или размышления о философии инноваций // Научная мысль Кавказа. 2011. № 2.

9.Философия техники в ФРГ. М., 1989.

10. Rieu A.M. The epistemological and philosophical situation of mind techno-science. URL.http://www/ stanford.edu/group/SHR/4-2/text/rieu/html

11. Лешкевич Т.Г. Сдвиг методологических ориентиров: новая элита и «технологические сюрпризы» //Философия элитологии. Первый российский элитологический конгресс 7-8 октября. Ростов-на-Дону, Т. 3. Ростов-на-Дону, Дониздат, 2013.

12. Лукьянец В.С. Мегатренд “Converging Technologies” и его влияние на многовековой процесс преображения человека. www.sciteklibrari.ru

13. Лешкевич Т.Г. «Постчеловеческие» эффекты техногенного развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 3.

14. Евдокимов А. Роботы идут.Hard’n’ Soft, 2005. № 5 (см.: http //www.hardnsoft.ru)

УДК 323.1

Дзахова Л.Х., Малиева Т.И.

Этнос, нация, государство как категории идентичности

В статье рассматривается этническая, национальная и государственная идентичности как взаимосвязанные формы социального бытия. Авторы полагают, что «этнос» и «нация» обладают реальным онтологическим содержанием, а положение в обществе в большей степени определяется государством, обладающим реальным, а не мнимым суверенитетом.

Ключевые слова: этнос, нация, государство, идентичность, суверенитет, примордиализм, конструктивизм, глобализация.

В отечественной литературе тема идентичности была активно востребована в начале 90-х годов XX века [1-6]. Это связано как с внутренними фундаментальными изменениями в обществе после перестройки, так и с процессами глобализации. Оба процесса взаимосвязаны так, что адекватно понять происходящие изменения в российском обществе, отвлекаясь от глобализационных процессов, невозможно. Верно и обратное – в настоящее время Россия заявляет о себе как субъект мировой политики или как глобализационный игрок, формируя центры притяжения в политическом и экономическом пространстве:

ОДКБ (1992), ШОС (2001), ЕврАзЭС (2008), БРИКС (2011), что влияет на имидж государства в лучшую сторону. Однако высвечиваются проблемы внутри страны, тормозящие ее развитие. Одной из них является проблема формирования российской идентичности. Идентичность – категория онтологическая, она неразрывно связана с вопросом существования государства, нации, этноса, отдельной личности.

Профессор МГИМО Н.Н.Федотова наиболее «продуктивным» считает определение идентичности С.Хантингтона: «Идентичность – «смысл себя». То есть идентичность есть тождественная бытию определенность. Альтернатива бытию – ничто. На государственном уровне это безусловный суверенитет, целостность и самостоятельность государства. В речи в дискуссионном клубе «Валдай» Президент РФ В.В. Путин обозначил эти признаки государства атрибутивными, «красными линиями, за которые никому нельзя заходить». Не отрицая принцип многопартийности, предполагающий политическую конкуренцию в стране, он говорил о необходимости разграничивать две вещи: 1) оппозицию к власти и 2) оппозицию к самой России. Первое – допустимо, второе – непозволительно [7]. Президент РФ подписал принятый ГД закон о введении наказания в размере до пяти лет заключения за публичные призывы (использование СМИ, включая интернет) к разделению России.

Аргументы критиков закона о сепаратизме колеблются от оценки закона «как посягательство на свободу слова, которое будет направлено на борьбу с оппозицией» (РАПСИ) до его трактовки, как подталкивающего от слов к реальным действиям. То есть этот закон может обидеть свободолюбцев, и подтолкнуть их перейти от слов к делу (глава правозащитного центра «Мемориал», эксперт по Северному Кавказу А. Черкасов). Думается, что не этот закон, а власть, не умеющая защитить информационное пространство и тем самым демонстрирующая свою слабость, является более сильным искушением испытать ее на прочность.

Отечественный историк и публицист В.В.Кожинов писал о роли публицистики в обществе, о ее главной цели, «которая заключается не столько в том, чтобы беспристрастно познать ход событий, сколько в том, чтобы воздействовать на этот ход, стремиться направить его по наиболее «позитивному» (с точки зрения автора того или иного публицистического сочинения) пути. Это, конечно, не значит, что публицистика вообще не может нести в себе объективного понимания хода нынешних событий, но все же главная цель исследования современных событий (конечный итог, «плод» которых еще, так сказать, не созрел) естественно и неизбежно раскрывается, как *стремление способствовать тому или иному вероятному итогу»*[8] *(*курсив авторов статьи). То есть актуализация сепаратистской темы является вполне осознанным стремлением «*способствовать вероятному итогу*». И, разумеется, принятие закона о противодействии сепаратизму снижает риски, понижает степень вероятности ожидаемого события. Оранжевые революции, особенно события на Украине, являются красноречивой иллюстрацией того, как от слов переходят к делу. Арабские времена года – у границ России.

Процесс формирования российской идентичности поднимает вопрос о судьбе государства, как исторической формы социального бытия.

Современное национальное государство сложились в Новое время. В основе его фундамента заложены три идеи: идея суверенитета (отрицание каких-либо надгосударственных, наднациональных инстанций), верховенство закона (принудительной силы, легитимность которой определяется государством и только им) и принцип политической целесообразности (отделение политики от морали), как основы эффективного управления обществом. В свое время Г. Гегель пытался преодолеть макиавеллизм, соединить мораль и политику. Государство, по его мнению, соединяет в себе властную и нравственную субстанцию, являя собой социально-этический максимум, наделенный абсолютными санкциями. Нравственность государственной политики определяется ее направленностью на отслеживание и описание тотальных связей, объединяющих людей в единое целое. И, верно обратное, государство безнравственно, если оно попустительствует, смотрит сквозь пальцы на деятель-

ность, в результате которой растет уровень напряженности в обществе, повышается степень его криминализации. Гегелевский государственный абсолютизм, соединяющий нравственность и политику, ведет свое начало от идеала греческой автаркии, согласно которой свобода проистекает из независимости и самодостаточности. Из умения довольствоваться своим, как бы мало оно не было.

С конца 70-х годов прошлого столетия стали говорить о кризисе государства, а точнее той его формы, которая сложилась в Новое время. Начиная со второй половины прошлого века, были пересмотрены фундаментальные идеи государства, прежде всего, идея суверенитета. Послевоенная ситуация в мире привела к необходимости создания наднациональных образований (ООН и др.) в целях недопущения военных действий как средства разрешения проблем. В настоящее время мы имеем более десятка наднациональных образований в области политики, экономики, культуры, спорта, здравоохранения и т.д. Все они, так или иначе, ставят под вопрос классическое понимание суверенитета. А события последних 20 лет свидетельствуют о том, что наднациональные политические и экономические структуры не довольствуются положением третейских судей, а действуют заинтересованно. Вторжение в Ирак, Афганистан, Ливию, операция в Косово, Сомали и др. – примеры нарушения государственного суверенитета.

В 2000 году была создана под эгидой ООН «Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета». Основная статья этого документа «Обязанность защищать» является теоретическим обоснованием нарушения государственного суверенитета в случае, если государство не может в силу ряда причин защитить людей, то эту функцию берет на себя международное сообщество. После известных событий сентября 2001 года в США был принята доктрина, в которой положение о борьбе с терроризмом расширено, оно включает борьбу с народами и странами, которые с их точки зрения поддерживают терроризм. Суть доктрины емко выражена во фразе Дж. Буша младшего: «Кто не с нами, тот с террористами» [9]. Все это в совокупности позволяет поставить под сомнение бытие государства, как одной из конструкций мировой системы.

Известный историк, философ и политолог А.Фурсов считает, что уже сегодня «многие зоны современного мира, именуются “безгосударственными”, или “серыми”». По его мнению, будущее за имперподобными образованиями, «история которых не бесконфликтна, но более продолжительна»[10]. Имперподобные образования (ИПО) комбинируют «институционально-иерархический и сетевой принципы»… «Это более или менее органичные наднациональные блоки с населением не менее 300–350 млн человек. Внешним субъектом управления ИПО будут госбюрократии со значительной ролью военных и спецслужб, роль которых в кризисных условиях растёт и которые схватились с финансовым капиталом, объявившим им войну в 2008 году и обречённым на подавление – компромиссного или бескомпромиссного типа»[11]. Единственным шансом России на выживание он считает Евразийский союз, способный численно держать территорию. Численность населения на 2013 год России, Казахстана и Беларуси в совокупности составляет около 322 млн человек. Сама логика бытия определяет тенденцию к объединению.

Евразийский союз – это альтернатива глобалистскому проекту (англосаксонскому, протестантскому). Важнейшей частью проекта становления российской государственности, по его мнению, является реабилитация прошлого. Как дореволюционного, так и советского. При этом он определяет эту задачу не только, как научно-теоретическую, но, в первую очередь, практическую. Для него важность этой работы такова, что он рассматривает ее как акт борьбы в области «власть – знания». Думается, что тем самым А.Фурсов выразил мнение подавляющего большинства разных людей, как от науки, так и от практики. Продолжающаяся борьба с отечественной историей, слепое копирование западных, в основном, устаревших подходов к пониманию общества, господствует в российском обществоведении

постперестроечного периода, препятствуя тем самым практике самопонимания, саморефлексии. ИПО – объединение различных систем без утраты ими своего лица.

Глобализация, формируя наднациональные структуры, ослабляя национальные государства, вызывает обратные процессы – актуализирует этническую и субэтническую идентичность. Разрушение или ослабление государственных структур и связей возмещается попыткой обрести устойчивость на другом уровне – этническом и этноконфессиональном. При этом этническая и конфессиональная идентификации стремятся к обретению политического статуса (что мы и наблюдаем сейчас, в частности, на примере актуализировавшейся "борьбы идентичностей" мусульманских сообществ [12, с. 163–164]). В связи с этим переосмысливаются исходные понятия: этнос, нация, государство. Характеризуя два первых понятия, В.А. Тишков пишет, что «большинство из этих категорий с научной точки зрения уязвимы или просто бессмысленны, а с общественно-политической точки зрения порождают тупиковые стратегии и дезориентирующее насилие повседневного сознания граждан» [13]. Для него эти категории не обладают реальным онтологическим статусом, а являются социальными конструктами, которые придумали политики, интеллектуалы с разными целями. Реально существуют люди, как атомарные единицы. С такой позицией сложно однозначно согласиться. Нет также единого мнения относительно содержания понятий «этнос» и «нация».

В формационной теории К. Маркса понятие «этнос» увязывали с феодализмом, нацию с формированием капиталистической формации. Сведение социальных явлений к этническим приходится на перестройку. В связи с этим профессор В. Малахов, подводя итог исследованиям этого аспекта, делает вывод, что «99% того, что пишется у нас на темы «нации» и «национальных отношений», написано с этноцентристских позиций. Даже самые продвинутые ученые, причем не этнологи (этнологам это почти простительно), а политологи, социологи … стихийно воспроизводят эти интеллектуальные навыки и соответственно навязывают своему читателю». Объясняя этот феномен, В.Малахов вводит понятие «этнически центрированного мышления». «Это мышление, базисной категорией которого и исходным пунктом при объяснении социальной реальности выступает понятие этноса»[14].

Политика большевиков в национальном вопросе была подчинена решению социальных проблем. Национальный вопрос не выступал как самостоятельный и решающий, а был частью общего вопроса демократизации страны. И. Сталин отверг федерацию, сепарацию и национально-культурную автономию, как, по его мнению, несовместимых с интересами трудящихся масс. Он предложил областную автономию как альтернативу национально-культурной автономии, выдвинув следующие аргументы: во-первых, областная автономия не межует людей по национальному признаку и не укрепляет национальных перегородок; во-вторых, дает возможность наилучшим образом использовать «природные богатства и развить производительные силы, не дожидаясь решения общего центра, – функции, не присущей культурно-национальной автономии»; в-третьих, дает возможность выровняться нациям в своем развитии [15]. Был реализован другой проект (федерация). Причина – угроза распада страны. Многие – и российские, и зарубежные ученые – этот проект оценивают как мину замедленного действия, которая взорвала СССР. СССР они оценивали не как федерацию, а как конфедерацию.

Нам важно подчеркнуть, что национальный вопрос в этот период имел подчиненное значение, сведение социального к национальному отсутствовало, а ядром сборки нации мыслился рабочий класс, в формировании которого были заинтересованы все нации, так как это означало развитие промышленности, модернизацию общества.

Отметим, что сталинское понимание нации было дано в русле кондиционализма. Оппонентами Сталина были Бауэр и Шпрингер (монокаузалисты – близки к примордиалистам), которые отличительной чертой нации считали – менталитет, национальный характер. По мнению И.Сталина, «никакого единственно отличительного признака нации» не существует. «Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (национальный характер), то другой (язык), то тре-

тий (территория, экономические условия). Нация представляет сочетание всех признаков, взятых вместе»[15]. Далее термин «этнос» не употреблялся, в ходу были другие понятия: «народность», «национальность». Не было и их противопоставления.

В Штутгардском философском словаре нация определяется как «народ, который создал себе зависящее от него правительство и имеет в своем распоряжении территорию, границы которой более или менее уважаются нациями. Нация – это народ, организованный в государство» [16]. В штутгардском определении нации содержится неявный ответ на вопрос о том, что первично – нация или государство. В немецкой традиции ответ дается в духе примордиализма, то есть нация предшествует государству. Нация, как общность, спаянная в единое целое зовом крови, культурой, языком формирует государство. Во французской традиции, наоборот, государство предшествует нации. Ответ дается в русле конструктивизма. Культура, язык рассматриваются как средства, используемые государством для достижения единства нации.

Некоторые авторы усматривают различия между нацией и этносом в степени скрепляющих связей, отмечая, что этнос связан более крепко, чем нация. «Различие между этносом и нацией, – пишет С.Е.Рыбаков, – на уровне личности обусловлено разной природой этих феноменов – естественной у этносов и в определенном смысле искусственной у нации» [17]. Этот вывод автор делает, используя разные подходы к определению природы этноса и нации: примордиализм применил к этносу, конструктивизм – к нации. Если же опираться на исторические факты, то такой вывод не усматривается. В качестве примера можно рассматривать монотеистическую и коммунистическую идеи, которых никак не вывести из естественной природы человека, но скрепляющую мощность которых вряд ли можно оспорить. Они являются результатом творчества второй искусственной, как отмечают ученые, природы человека. Считаем, что природа этноса и нации одинакова при всех различиях между ними, поскольку эти различия не являются сущностными. Государство, политика (как признак нации) есть часть создаваемой народом культуры (отличительный признак этноса).

С. Кара-Мурза приводит два главных принципиальных смысла нации: «нация как гражданство, как коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии». И «нация как этничность, сообщество тех, кого связывает общие язык, история или культурная идентичность» [18]. То есть национальная идентичность проявляет себя через концепцию государства и гражданина, а этническая идентичность более тесно связана с культурными реалиями.

Нация не является простой суммой этносов. Политическая и гражданская сопряженность народов вносит изменения в их бытие-идентичность. Национальная идентичность выступает на первый план, а этническая идентичность несколько ослабевает, разделяющие социально-культурные признаки этносов уходят на периферию жизни. Это возможно в условиях наличия идеи или проекта, которые принимаются большинством. Поэтому нет государства ни национального, ни полиэтнического без идеи. Как справедливо отмечает политолог А.Г. Дугин, государство, лишенное идеи, (смысла) – это явление «аномальное». Впервые за всю историю своего существования наше государство лишено идеологии по Конституции.

Особо надо подчеркнуть наличие противоречий в высказываниях политологов в области строительства государства. С одной стороны, демонстрируется ориентация на европейский идеал государства. С другой – требование равенства наций. Не раскрывая неоднозначного содержания понятия «равенства наций», отметим, что в основе европейских государств лежит принцип равенства граждан, а не наций. А последнее (политическое, гражданское равенство) осуществляется через отмену политических прав наций в многонациональном государстве и делегирование их гражданину. Наша национальная элита должна иметь это в виду или опять мы должны искать свой и только свой путь нациестроительства. Уместно здесь привести высказывание Г. Лебона, основателя социальной психологии: «Может

быть, самое важное дело Французской революции было то, что она ускорила это образование (образование французской нации – авторы.) почти совершенным уничтожением мелких национальностей: пикардийцев, фламандцев, бургундцев, гасконцев, провансальцев и т.д., между которыми Франция была некогда раздроблена». Великая Французская революция совершалась под лозунгом: «нет нации места в нации» [19]. Как известно, результаты Великой Октябрьской социалистической революции были диаметрально-противоположными.

Мы считаем, что «этнос» и «нация» обладают реальным онтологическим содержанием, а их положение в обществе определяется в большей степени государством, реальный суверенитет которого является фундаментом этнической и национальной идентичности.

Литература

1. Гришин Е.А. Идентичность гражданская // Социологическая энциклопедия: В 2 т. М., 2003. Т. 1.

2. Шикова Р.Ю. Гражданская идентичность молодежи в современной России // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики: Сб. науч. ст. Краснодар: КубГУ: 2010.

3. Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2009.

4. Федотова Н.Н. Глобализация и изучение идентичности // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1.

5. Костина А.В. Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы *(начало)* // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 4.

6. Яковенко И.Г. От империи к национальному государству (попытка концептуализации процесса) // Полис. 1996. № 6.

7. Речь В.В. Путина на Валдайском форуме (19 сентября 2013 года) -[электронный ресурс]: http:// www esc.vscc.ac.ru›file.php?module…view&file=article

8. Кожинов В.В. «Черносотенцы и Революция». Загадочные страницы истории. Введение http://www.rus-sky.com/history/library/kozhinov.htm.

9. Ивашов Л.Г. «11 сентября – это глобальная провокация» http://www.rpnp.ru/pnp/hotnews/hot_news_022.htm.

10. Фурсов А. «Империология» без теории или «хлопок одной ладонью». http:// www. docme.ru›doc/113809/andrej-fursov---imperiologiya.

11. Фурсов А. Наступает эпоха новых империй. http:// www. svpressa.ru/society/article/51739.

12. Кашаф Ш.Р. Политические элиты мусульманских регионов как акторы дискурсивной борьбы за идентичность // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 3.

13. Тишков В.А. О нации и национализме. Политические заметки // Свободная мысль. 1996. № 3.

14. Малахов В. Преодолимо ли этноцентрическое мышление? http:// www. intelros.ru›pdf/prognosis/144-159_malahov.pdf.

15. Сталин И. Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2. М., 1946.

16. Философский словарь. Сокр. перевод с нем. М.: Изд-во «Иностранная литература», 1961.

17. Рыбаков С.Е. Анатомия этнической деструктивности. Два облика национализма // Вестник МГУ. Серия 18. Политология и социология. 2001. № 3.

18. Кара-Мурза. Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2008.

19. Лебон Г. Психология народов и масс. Кн. 1. Психология народов // Психология толпы. М.: «ЭКСМО», СПб.:Terra Fantastika, 2003.